

УДК 821.161.1-311.6
ББК 74(2Рос=Рус)6-44
В27

Авторы благодарят за помощь в издании книги:
Агентство инвестиционного развития Новосибирской области
и лично Генерального директора Зырянова Александра Сергеевича
Группу компаний «МостГеоЦентр» и «ТуркменГеоКопри»
и лично директора Остапенко Сергея Николаевича

Отдельную благодарность авторы выражают
Буйнову Юрию Павловичу

Авторы благодарят за творческую помощь в работе над книгой
Людмилу Селинскую, Вячеслава Рыбакова, Игоря Лебедева

Меркулов, Геннадий Анатольевич.
Владыкин, Роман Александрович.

В27 Великий Шёлковый путь. В тисках империи/ Геннадий Меркулов, Роман Владыкин. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-122343-4

Многие сотни лет Восток и Запад развивались обособленно, имея друг о друге смутные представления. Судьбоносная встреча состоялась в 128 году до нашей эры: посланника китайского императора Чжан Цяня, искавшего на Западе союзников империи Хань, судьба свела с сарматской воительницей Заряной, во исполнение воли Рима искавшей страну, где владеют секретом производства шёлка. Через предательство и плен, сражения с жестокими кочевниками и доисторическими чудовищами отчаянные храбрецы сумели заложить маршрут, объединивший Восток и Запад. Он получил название «Великий шёлковый путь» и просуществовал без малого две тысячи лет.

Об этой эпохе остались скудные исторические факты. Тем ценнее тот захватывающий древний мир, который сумели создать авторы в романе. Не удивительно, что эта история уже легла в основу будущего многосерийного художественного фильма. И это лишь начало. Кажется вполне логичным, если через несколько лет Великий шёлковый путь возродится в реальности — ведь уже давно настало время для объединения стран и народов Евразийского континента.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 74(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122343-4

© Текст. Геннадий Меркулов. Роман Владыкин, 2020
© Иллюстрации. Дручинина Ирина, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Серия «Городская проза»

**Геннадий Меркулов. Роман Владыкин
ВЕЛИКИЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ.
В тисках империи**

16+

Руководитель проекта *И. Воеводин*
Ответственный редактор *П. Тотоева*
Выпускающий редактор *М. Смородова*
Художественный редактор *А. Воробьев*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Корректор *Т. Радецкая Е. Павлович*
Верстка *Г. Блинов*

Подписано в печать 02.03.2020. Формат 84x108/32
Печать офсетная. Гарнитура Pragmatica. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 1000 экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2020 г.
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2018); 58.11.1 — книги печатные.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21,
строение 1, комната 705, пом. 1, 7 этаж.
Наш сайт: www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, уй 21, 1 құрылым, 705 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz • Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-
талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей

В ковыльном море по колено,
стоит забытый истукан.
Он помнит битвы, ужас плена,
разящий меч, тугой аркан,
солёный вкус горячей крови
из вен степного жеребца...
Он помнит все! Быть может, кроме
веками стертого лица.

ГЛАВА 1

ПЛЕН — НЕ ПОВОД ДЛЯ СМЕРТИ

Хуннская кочевая держава, Великая степь

1

Весною степь — зеленый, щебечущий, поющий рай.

Осенью степь — поднос из оплавленного золота, забытый у ложа сыто засыпающего солнца.

Зимою степь — белый ад.

Ветер, надсадно крича, вырывает душу. Трескается кожа на руках, трескаются до крови губы. Чтобы согреться, готов живым спрыгнуть в могилу. Но не дают.

Неволя.

Десять лет в неволе посреди степи — это много или мало, долго или коротко?

Впрочем, везде люди живут. Мучаются. Терпят несправедливость. Трудятся в поте лица. Заботятся о детях и родителях. Готовы жизнь отдать за тех, кого любят. Радуются, когда могут. Одни сеют, другие пасут — подумаешь, велика разница! «Поразительно, как похожи бы оказались люди, как легко им было бы по-

нять друг друга, — не раз думал Чжан Цянь, — если бы не соблазн жить за чужой счет».

Иногда кажется, будто все, кто не хочет убивать и мучить, — члены одной семьи, воспитанные одним незлобивым, трудолюбивым, заботливым отцом и одной ласковой, хлебосольной, плодovitой матерью. А те, кто убивать и мучить хочет, — пришлые чужаки, нелюди, которых в качестве испытания послало людям Небо, как посылает саранчу, неурожай или мор. Для одних доблесть — что-то сделать. Для других доблесть — отнять это что-то у тех, кто сделал.

«Лунь юй» повествует, как один из учеников великого Конфуция пожаловался: «У всех людей есть братья. Только я совсем одинок». Другой ответил: «Если совершенный муж с уважением относится к другим людям, соблюдая при этом надлежащие нормы поведения, тогда для него в пределах четырех морей все люди — братья».

Ах, если бы!

Хуже и обиднее всего, что те, кто создает, — всегда бедняки и чернь, а все, кто отнимает, — всегда богачи и знать. Неужели именно таков жэнь-дао — путь, которым от века обречены брести люди?

Или такова и впрямь воля Небес и любой, кто пойдет против нее, лишь наворотит еще больше неурядиц и увеличит количество страданий?

Ответ знает только Небо...

Однако, как бы ни жил человек, он либо принимает свою жизнь и лишь старается ее улучшить, насколько позволяют совесть и обстоятельства, либо сходит с ума. Это верно и на римской вилле, и в юрте кочевника, и в императорском дворце, и в землянке раба.

Даже в рабстве, если душа продолжает жить, она способна к любви, к нежности, способна видеть свет и светить другим.

Душа Чжан Цяня уцелела. Во всяком случае, пока.

Тот день поначалу был обычным, одним из бесчисленных однообразных дней, составлявших нынешнюю жизнь, которая Чжан Цяню частенько казалась чужой, не его.

А ведь дипломат сумел устроиться куда вольготнее, чем те из сопровождавших его воинов и слуг, что уцелели после предательской ночной атаки. Потому что даже хунну нужны люди, знающие язык великой империи Хань.

Один из местных владык подобрал для него пару десятков молодых воинов, которым несостоявшийся посол пытался растолковать тонкости ханьского произношения и умения строить фразу. В другое время и в другом месте Чжан Цянь беззлобно, но от души смеялся бы над их потугами правильно произнести слово, обозначающее столь любимую степняками лошадь; вместо «ма» в нужном тоне у них получалось то «ма» в тоне восходящем, что обозначало коноплю и, стало быть, намекало на дурные привычки, то в нисходящем, что обозначало брань и, значит, вообще никуда не годилось. Но здесь было не до смеха. За то, что ученики были нерадивы или несмышлены, спрашивали не с них, а с него. И не словом, а кнутом.

Чжан Цянь идет по то начинающей по-весеннему размякать, то снова смерзающейся земле и думает в который раз: «И это они называют городом?» У него на языке вертелось слово «стойбище». И это они называют улицей? Для него она была просто длинным пустырем между беспорядочными нагромождениями убогих строений и шатров...

А вот и сянь-ван — по родовитости третий князь в иерархии хунну. Глаза бы не глядели... Тучный, в одеянии, считающемся здесь богатым и роскошным: шкуры, шкуры, шкуры, чтобы не замерзло жирное брюхо, — едет верхами куда-то по своим важным

государственным делам: то ли взыскивать недоимки, то ли казнить кого-то. Заметил, тварь... Поворотил коня. Чжан Цянь загодя натягивает на лицо подобострастную придурковатую улыбку.

Снова треснула губа. Капелька тут же проступившей крови ощутимо задрожала на ледяном ветру.

Ворс на одеянии сянь-вана тоже треплет ветер. То встопорщит, то пригладит... У нас — кровь, у них — мех.

— Куда направляешься, ханец? — сидя в седле очень прямо, почти заваливаясь назад, чтобы выглядеть бравым и молодым, спрашивает сянь-ван.

Чжан Цянь почтительно кланяется.

— Выполнять повеление могучего сянь-вана, — отвечает он.

— Это хорошо, это правильно. Учатся мои люди?

— Учатся, великий сянь-ван.

— Скоро научатся?

— Скоро, великий сянь-ван. Думаю, через двадцать лун они заговорят.

— И это ты называешь скоро? — рука кочевого вельможи сама собой тянется к плетке. Но он сдерживается.

— Двадцать лун... Почему у вас такой сложный язык, Цянь?

Чжан Цянь снова улыбается. Губа трескается в другом месте. На ветру дрожат уже две капли крови.

— У тех, кто копошится в земле, всегда есть время поговорить, а для кочевника стрелы лучше любого разговора!

Сянь-ван доволен. Лицо его, теряющееся в мехах воротника и шапки, расцветает улыбкой. Так мог бы улыбаться завернутый в соболью шкуру шмат свиного сала.

— Вот за что тебя ценю, ханец, так это за речи твои, — честно говорит вельможа. — Похлеще рисового вина будут!

— А кстати, — говорит Чжан Цянь, будто вот лишь сейчас осененный этой мыслью. — Сянь-ван, я прихвачу кувшин? Учеба лучше пойдет!

Сянь-ван смеется.

— Бери! Только не разбалуй их слишком. Привыкнут к вашему вину — в Хань захотят! Придется всем ломать хребты!

От души пошутив, сянь-ван разворачивает коня и неторопливо, шагом уезжает прочь. Куда ему торопиться?

2

Подойдя к ближайшей лавке, Чжан Цянь берет кувшин вина. Торговец пытается его остановить. Чжан Цянь изображает надменность, хотя она противна ему так же, как и недавнее подобострастие. Жизнь — это маски. В них душно, в них тошно, нестерпимо хочется хоть недолго побыть настоящим, но без них ты непонятно кто, ты невидим, ты вне игры.

— Вздумал послушаться великого сянь-вана? Он позволил мне! Прочь с дороги!

И с кувшином в руке быстрым шагом идет к большому, стоящему наособицу шатру. Когда до шатра остаются считанные шаги, охранник у полога, закрывающего вход, затверженным движением выдергивает из ножен меч и останавливает гостя касанием железа о горло.

— Раб, ты знаешь, кто там?

Чжан Цянь невозмутимо отодвигает клинок в сторону свободной рукой.

— Это для наложницы царя Парканы. Я принес вина!

— Оставь вино и убирайся.

— Это ханьское вино. Мне велено передать из рук в руки. Ты же все выпьешь сам, я знаю.

— Я не могу тебя пустить, раб.

— О, я не просто раб. Понимаешь, я евнух. Лишен мужской силы, так что не представляю никакой угрозы для женщин.

— Сказать-то можно что угодно... — теряясь, ворчит стражник.

Чжан Цян скорбно улыбается и спрашивает:

— Показать?

Охранник морщится и, вгоняя меч в ножны, отступает в сторону.

Чжан Цянь деловито заходит внутрь и видит с десяток женщин, которые с испуганным визгом прячутся друг за друга. Служанки. Ему нет до них дела. За их спинами, в противоположном от входа краю шатра, полог, отгораживающий часть пространства от посторонних глаз, и Чжан Цянь напрямик идет туда.

Вот и она. Девушка неземной красоты, белая, как здешний кумыс; волосы — вызолоченный солнцем колышущийся ковыль, глаза — горные озера, полные неба. И имя у нее неземное: Млада. Ханьцу нипочем не выговорить такого; как он ни старается, выходит: Ме-ло-да. И если назвать ее так, нашему уху в ее имени слышится и мед, и мелодия... Это неспроста. Она сладкая, как мед; нет, слаще меда. Она — мелодия.

Кто ее пленил, откуда она взялась?.. Долгая история. Эту историю она когда-нибудь расскажет ему. Когда они оба будут свободны. Женщины любят рассказывать, а девчонки — вообще трещотки, хотя это их совсем не портит. Но не сейчас. Сейчас на рассказы нет времени. Увидев входящего Чжан Цяня, она кидается ему на шею.

— Как тебе опять удалось?

— Сказал, что я евнух.

Она смеется.

И он вторит ей.

— А что? Эта история безотказна. Для них увидеть чужой лотосовый бутон — дурной знак. Поэтому предпочитают верить на слово...

— Предпочитаю видеть, — с бесстыдством безоглядно влюбленной юности говорит она.

Вообще-то сам шаньюй предназначил необыкновенную полонянку в дар одному из союзных владык. Поэтому девочке многое позволено, но и берегут ее как зеницу ока. А девственность ее берегут и вовсе пуще глаза; ведь если потом новый хозяин обнаружит, что товар подпорчен, не сносить голов ни послам-дарителям, ни подарку. Так что даже Чжан Цяню вот это, чего так хотят все мужчины, ни-ни.

В летописях потом напишут, что хунну, пока Чжан Цянь был у них в плену, дали ему, чтобы не скучал, жену, тоже хунну по крови, от которой он успел прижить детей. Если бы летописцы знали правду, они бы поумирали от зависти.

Пой, сердце, пой.

— Ме-ло-да...

И произошло то, что раньше или позже не могло не произойти.

Чуть захмелевшая Млада как раз принялась показывать вполне хмельному Чжан Цяню, как в ее родных северных краях танцуют девушки, призывая весну, когда полог резко подался в сторону и в сокровенную часть шатра вошел, сразу остановившись на пороге, Ичисс — один из двух лули-ванов, вельможа, выше которого были лишь два сянь-вана и сам шаньюй. Коренастый, крепкий, мохнатый от полных вшей мехов. Кто знает, что за бес попутал его заявиться сюда ни с того ни с сего; может, сам хотел потискать молодую красавицу, пока перевалы еще покрыты снегом, а может, кто-то донес ему о творящемся непотребстве. Млада будто окаменела; руки ее, воздетые было к потолку шатра, бессильно упали. Сидевший на кошме Чжан Цянь почтительно встал. Лули-ван несколько мгновений

озирал происходящее из-под надвинутой на самые брови тяжелой шапки.

— Ты не похож на евнуха, ханец, — наконец говорит Ичисс.

— Показать? — снова пытается сыграть на тех же струнах Чжан Цянь, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Не трудись, — отрывисто бросает лули-ван. — Не рискуй. Со мной мой меч, и, если я замечу что-то лишнее, твоя сказка тотчас же станет былью.

Млада невольно вскрикивает. Ичисс довольно скалится.

— Девчонка знает, что там? — говорит он.

— Девочка просто боится оружия, — простодушно отвечает Чжан Цянь. — Она показывала мне танцы ее народа, а я учил ее танцам Хань, чтобы она могла радовать будущего господина разнообразно.

— Не трудись, — повторяет Ичисс. — Врать ты горазд, но впредь вранье тебе не поможет. Иди со мной. Тенгри ждет тебя, и его уж не обманешь и не обольстишь.

На выходе из шатра Чжан Цянь успевает увидеть, что охранник, столь беспечно пропустивший его внутрь, лежит на земле и кровь еще вытекает из его перерезанного горла. Потом, уже не сдерживаясь, лули-ван пихает Чжан Цяня в спину так, что ханец едва не валится наземь. Ичисс делает призывный знак воинам своей свиты, ждавшим на ветру, обдирающем, как точильный камень, и показывает на Чжан Цяня. Те хватают его и волокут на окраину поселения, к просторному пустырю, где со змеиным шипением летят струи поземки.

Вот и еще один знак богов, еще одно совпадение. По краю пустыря с одинаково понуро опущенными головами стоят на коленях другие обреченные. Чжан Цяня швыряют в конец шеренги — и рядом с ним оказывается еще не старый, но уже седой как

лунь ханец. Чжан Цянь будто в тумане, но ханьца он узнает — это один из младших офицеров того охранного отряда, что сопровождал его посольство при выходе за Великую стену. Похоже, и тот узнал посла. Губы его начинают трястись, на глаза наворачиваются слезы.

— Вы живы, господин... Вы тоже все еще живы... вы узнаете меня? Я — Дэ Мин...

— Я не помню твоего имени, но я тебя узнал, — говорит Чжан Цянь.

— Простите... То была измена...

— Я знаю, — говорит Чжан Цянь спокойно. — Много наших еще живы?

— Не знаю, господин... Кажется, всего лишь трое... Кого не убили сразу, те умерли здесь. Великое Небо, как же рад я вас видеть! Хотя перед смертью... Не чужое лицо...

— Я тоже рад, — искренне говорит Чжан Цянь.

И тут же морщится от боли. Его память, словно на степную колючку, натывается на картину другой казни. В той, прошлой жизни. Когда он, молодой чиновник, только что получивший должность лана, томился без каких-либо конкретных поручений, а его кипучая натура ввалилась к подвигам во имя императора!

Цянь крепко зажмуривает глаза, словно пытаясь выдавить шип из своего мозга, но воспоминание становится только ярче.

3

Еще вчера у этого молодого офицера было имя, подаренное заботливыми родителями. Сегодня он его не помнит, а лишь ползет по топкому болоту мучений, примечая впереди игривые огоньки. Это смерть. Судьба уготовила ему долгий путь к облегчению. Кругом вода и тина, кишащая мучительной болью...

Чжан Цянь сидит на корточках и пытается заглянуть в глаза узника. Его тело закопано в землю, торчит лишь голова, над которой установлено нехитрое приспособление с горлышком, откуда с вселенским спокойствием падают капли ледяной воды. Влага пронзает темечко несчастного юноши. Медленно, с точностью мясника, жидкость отделяет дух от плоти.

— За что его? — Чжан Цянь зачем-то пробует воду на вкус, растирая ее по узловатому пальцу.

— Сбывал шелк нашим врагам.

Старик Ксу за свою долгую жизнь видел, наверное, больше сотни таких смертей, и они не трогают его рыхлое сердце.

— Я знаю его. Мы вместе учились в столичной школе Тай Сюэ. Он не мог. Нужно поговорить с императором!

— Ты с ума сошел? Зачем? — устало зевает евнух. Погода портится, и больные суставы зовут его в кровать.

— Затем, чтобы в следующей жизни не оказаться на его месте!

Чжан Цянь хорошо помнит тот день, когда он воспользовался привилегией лана лично обратиться к императору.

Длинные коридоры с норами темниц и белыми торчащими пальцами хрипящих узников, а потом боже-ственный свет. Солнце будто намеренно расположилось за головой императора ровно так, чтобы слепить его собеседников оранжево-искрящим нимбом с нотками весенних цитрусов. Но у светила есть тень. Это не затмение и не облака. Это Ван Куя.

— Да как ты смеешь? — тень говорит громко, поставленным командным голосом.

— У подножия трона вашего ничтожный Цянь ручается за Мю Цзы! — Чжан Цянь старается не смотреть в бойницы глаз Ван Куя, будто прячась от невидимых стрел. — Я поговорил с приграничными толмачами. Все они в один голос утверждают, что шелк течет к хунну не ручейками, а рекой.

— Что значит рекой? — юный император рассматривает свой длинный изящный ноготь на мизинце, прищуривая один глаз.

— Значит, кто-то сбывает кочевникам шелк крупными партиями! — Цянь бросает взгляд на Ван Куя, чья рука уже блуждает по рукоятке меча.

— Да ты... — Ван Куй багровеет, как закат над Великой стеной.

— Постой. Ты обвиняешь моего генерала? — император резко кусает ноготь и щелкает пальцами. Солнце скрывается за полупрозрачной дымкой марева.

— Нет. Как я могу?.. Я лишь жажду справедливости, господин. Река слишком быстрая и бурная, и ее не остановить забрасыванием камнями, — Цянь зажмуривается, выбирая слова. Он уже не рад, что пришел к луноликому и помешал его покою.

— Хорошо. Я отменю казнь, и камень не полетит в реку. Но подумай, если будет много камней, образуется запруда. А значит, вода остановится и мы решим проблему. Не так ли?

У-ди ежедневно берет уроки красноречия у смешного плешивого старика откуда-то с юга. Но ему определено не с кем ткать кружева мыслей. Ван Куй для этого не годится.

— Величайший император прав. Много камней образуют запруды, но вода в реке будет стоять, а потом начнет гнить. Это хуже для всех!

— Получается, выхода нет? — У-ди наклоняется к Цяню, обдавая его своим терпким мятым дыханием.

Ван Куй расплывается в улыбке. Даже он понял, что следующим камнем в его реке окажется сам Чжан Цянь.

— Есть! — Цянь восклицает столь громко, что даже глухой Ксу вздрагивает. — Нужно изменить русло реки! Хватит кормить посредников. Пусть шелк приносит скажочно большую прибыль казне Сына Неба!

— Интересен... Я слушаю, Цянь, — император становится серьезен.